

Герменевтика и майевтика как два способа понимания текста

Юрий Шатин

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ

В данном сообщении речь пойдёт о герменевтике и майевтике, как двух способах понимания текста, ориентированных на противоположные стратегии коммуникации. Однако начну я с одной достаточно поучительной истории о том, как выдающийся шахматист играл с компьютером. Убедившись в абсолютном совершенстве компьютерной программы, он начал с продвижения ладьейной пешки на одну клетку, быстро последовал ответ, затем шахматист передвинул на освободившуюся клетку ладью, компьютер думал 10 или 15 минут, затем выдал свой ход, после чего шахматист вернул ладью на место, тогда компьютер замигал лампочками и умолк навеки.

Эта история как нельзя лучше иллюстрирует противоположность двух подходов к тексту (в нашем случае к тексту шахматной партии, но при желании этот подход вполне может быть распространён и на другие типы текстов, составляющих в своей совокупности культуру). В основе компьютерной программы лежало неочевидное предположение, что нормальный человек играет в нормальные шахматы. Следствием такой установки оказался прерыв коммуникации, как только возникло нестандартное отклонение от стратегий, положенных в основу предварительных расчётов.

В дальнейшем изложении стратегию, на которую опирался компьютер, мы будем называть герменевтикой, а стратегию шахматиста майевтикой. Если обратиться к проблеме понимания и толкования текста, можно сказать, что герменевтика предполагает презумпцию смысла как во всём тексте, так и во всех его отдельных частях, тогда как майевтика устанавливает границы смысла и бессмыслицы, положенные в основание целого ряда текстов, прежде всего художественных.

Искусство герменевтики базируется на принципе убедительности. Оно каждый раз ориентировано на строгое выполнение регулятивных правил речи и в меньшей степени на скрытые резервы языка, допускающие возможность

деконструкции. Майевтика, напротив, исходит из возможности иронии, т.е. употребления слов или форм не в том виде, как это было до сих пор.

Одним из первых, кто заметил исконное противоречие герменевтики и майевтики, был Ф. Ницше. Согласно Ницше, «язык риторичен, ибо он стремится передавать только *doxa* (мнение), а не *episteme* (истину)». ¹ Но если это так, то язык своей риторикой создает стратегию, прямо противоположную стратегии речи, создавать идеальные условия для понимания наших высказываний. В этом смысле, риторика радикально приостанавливает действие законов логики (и её филологической проекции – герменевтики), причём эта приостановка носит сугубо семиотический характер.

Комментируя известное определение знака у Ч. Пирса, Поль де Ман справедливо указывает: «С точки зрения Пирса, интерпретация знака вовсе не значение, но другой знак; это прочтение, а не декодирование, а само прочтение, в свою очередь, следует интерпретировать как третий знак и так далее, *ad infinitum*. Пирс называет этот процесс, посредством которого «один знак даёт рождение другому», чистой риторикой, в отличие от чистой грамматики, постулирующей возможность неproblemатичного, дидактического значения, и чистой логики, постулирующей возможность всеобщей истины значений. Вот если бы знак порождал значение тем же самым способом, каким объект порождает знак, не было бы необходимости отличать грамматику от риторики». ²

В продолжение мысли П. де Мана следует сказать, что задачей герменевтики становится означивание знаков, превращение знаков в значения, а в более глобальном плане восстановление триады: вещь – знак – значение. Задачей же майевтики оказывается порождение одного знака посредством другого, а в плане глобальном – установление между ними отношений эквивалентности (подобно понятию ценности в политэкономии).

Различие локальных и глобальных задач герменевтики и майевтики как двух противоположных способов понимания текста вызывает и различие двух позиций самих интерпретаторов. Последнее различие легко понять, обратившись к традиционному для современной французской семиотики противопоставлению инженера и бриколажиста. Как известно, понятие «бриколажа» было введено Клодом Леви-Стросом и обычно переводится на русский язык как «интеллектуальные самоделки». Бриколажист использует находящиеся в его распоряжении инструменты, хотя они и не были специально сконструированы для тех операций, к которым бриколажист приспособливает их методом случайных бросков, не боясь в случае чего использовать инструменты, не имеющие между собой ничего общего. Сам К. Леви-Строс великолепно продемонстрировал принцип бриколажа, описав миф с трех различных точек зрения как структуру в «Структуре мифов», как чистую длительность в «Сыром и вареном» и как феноменологию в «Печальных тропиках», причём взаимная несводимость друг к другу трёх описаний и показывает сущность мифа.

¹ Эта мысль Ницше удивительным образом пересекается с наблюдением Ч. Пирса о том, что в языке нет критериев, позволяющих различать истинные и ложные суждения.

² Ман П. Аллегории чтения. Екатеринбург, 1999. С.16.

Расширяя понятие бриколажа, Ж. Деррида напрямую связал его с общей природой дискурса. «Если назвать бриколажем необходимость заимствования своих понятий в тексте более или менее связного или, наоборот, разрушенного наследия, то придется сказать, что любой дискурс – бриколажист. Инженер, противопоставляемый Леви-Стросом бриколажисту, должен был бы сконструировать весь язык целиком – и синтаксис и лексику. В этом смысле инженер – это миф: субъект, который стал бы абсолютным источником собственного дискурса, который сумел бы собрать этот дискурс «во всех его деталях», тем самым оказался бы творцом Слова, самым Словом».³

Таким образом, дискурс, оказавшийся в сфере герменевтики, получил бы сакральный статус, а сам интерпретатор взял бы на себя функцию медиатора между творцом Слова и адресатом. Вероятно, этим отчасти объясняется тот факт, что герменевтика, достигнув огромных успехов в толковании древних Священных Книг, проявила свою полную неспособность к интерпретации художественных текстов, особенно в тех случаях, когда речь шла о новом и новейшем времени.

Майевтика, будучи родовспоможением мысли, оказывается чисто инструментальным способом понимания текста, допуская одновременное прочтение одного и того же текста различными стратегиями, то как мифа, то как отражения действительности, то как образца стиля, то как возможности пародии. При этом следует подчеркнуть, что все четыре стратегии чтения оказываются равноправными и не вступают в противоречие со структурой текста. Так, пушкинское «Я памятник себе воздвиг...» может быть прочитано и как фрагмент персонального мифа поэта о памятнике, и как отклик современника на открытие Александрийского столпа, и как образец горацианской оды, и как пародия на него (если вспомнить знаменитую интерпретацию М.О. Гершензона). Подобное прочтение и становится возможным из-за майевтической установки художника, благодаря которой происходит десакрализация текста путем введения в него разнонаправленных риторических референций.

Сейчас бы я хотел немного обратиться к истории, чтобы уберечь от соблазнительной попытки увидеть в майевтике происки постмодернизма. Уже античная культура дает примеры не только существования, но и борьбы двух подходов к интерпретации дискурса. Легко видеть, что сама майевтика есть способ самоописания сократического диалога Платона, а критика Платона Аристотелем есть попытка покончить с плюрализмом и релятивизмом и установить способ единообразного толкования дискурса (практически большая часть Аналитики и полемики с софистами посвящена этой теме).

Бесспорно, различие Платона и Аристотеля во многом связаны с различным пониманием онтологии. У Платона высшее бытие представлено иерархией эйдосов, у Аристотеля высшее бытие – божественный ум (нус), мыслящий собственную деятельность мышления. Но за этим различием столь же отчетливо лежит различие двух коммуникационных стратегий – плюралистического столкновения мнений и рефлектирующего монологического сознания. Думается, что контroversный диалог и рефлектирующий монолог могут пониматься не только как две позиции по отношению к миру, но и как два противопо-

³ Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С.455.

ложных способа понимать тексты. Недаром платоновское понятие мимесиса как подражания чужому слову из 3 части Государства Аристотель в Поэтике превращает в универсальную категорию искусства, стирая тем самым границы между монологом и диалогом. Аристотеля с полным правом можно назвать отцом античной герменевтики точно так же, как Платона вместе с главным героем его диалогов – творцом майевтики.

Дальнейшее развитие двух пониманий текстов, начиная с Ренессанса, характеризуется активным вторжением герменевтики в сферу интерпретации художественных текстов. Внешним фактором, способствующим захвату герменевтикой всего интерпретационного пространства, стала необходимость издания и комментирования древних авторов, прежде всего античных. Однако претензии герменевтики в её аристотелевском варианте распространялись гораздо дальше и касались унификации модели мира, заложенной в тексте.

Как и прежде, герменевтика пытается заменить тайну текста, наложенной на него логикой. В герменевтике красота реконструкции замещает собой текстовую реальность, причём всё это сопровождается генерализованным утверждением, что реконструкция это и есть текст. Печальным примером такой генерализации может служить мусин-пушкинская реконструкция «Слова о полку Игореве». Безусловно прав Р.О. Якобсон, когда писал, что стилиевые «компоненты «Слова», глубоко чуждые русскому обществу екатерининских времен, делали разбор и перевод, да и само издание мусин-пушкинской рукописи непосильной задачей. К сожалению, многие промахи и ошибки первых переписчиков, переводчиков и комментаторов новонайденного памятника надолго вошли в научный обиход. Особенно в разбивке текста на слова и предложения, *editio principis* продолжает тяготеть над исследователями «Слова», несмотря на признания первых редакторов в беспомощной отсебятине».⁴

Герменевтика не толкует факты, как может показаться, но объясняет их значимое отсутствие в сконструированной единой, целостной и нерушимой картине монологического мира. Герменевтика – это комментарий, но не просто комментарий, а попытка придания ему онтологического статуса всего текста. Благодаря герменевтике концепция стремится стать больше текста и в конце концов заменить текст. В этом плане герменевтика – старшая сестра литературной критики: их общая задача, грубо говоря, подправить написанное, придавая тексту большую достоверность.

Особо можно было бы остановиться на отношении герменевтики и майевтики к метаязыку. Герменевтика в корне враждебна метаязыку, как всякая инженерная конструкция она стремится технологически уподобиться объекту, слиться с ним и в конечном итоге подчинить язык текста собственному языку, создать иллюзию их единства. Майевтика, напротив, видит в метаязыке определенную чужеродность тексту, благодаря которой между текстом и его описанием всегда можно обнаружить возможность игровых отношений.

Будучи тесно связанной с процессом текстообразования, или того, что Р. Барт не совсем удачно назвал письмом, майевтика снимает антиномию акратического и энкратического языков, поскольку «только в письме допускает-

⁴ Якобсон Р.О. Роль языкознания в экзегезе Слово о полку Игореве // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С.421.

ся смешивание различных видов речи (например, психоаналитической, марксистской, структуралистской), образуется так называемая гетерологичность знания, языку сообщается карнавальное измерение». ⁵ Устанавливая карнавально-диалогические отношения между языком-объектом и разными типами метаязыков, майевтика развертывает игру дистанциями между ними, сближая или отдаляя их по мере требования конкретного дискурса.

В заключении представляется существенным рассмотреть ещё один вопрос, что случается, когда два способа понимания текста – герменевтический и майевтический – встречаются в поле одного комментария. В этом случае, по всей вероятности, герменевтика будет подчиняться общим законам письма и выступать как часть неизбежных диалогических отношений, она попросту становится одним из голосов в общем хоре майевтики. Хорошим примером такой встречи служат набоковские комментарии к «Евгению Онегину», в котором герменевтика других комментариев, в частности Н.Л. Бродского, становится объектом иронического остранения, что сближает эти комментарии с манерой других, в том числе художественных текстов Набокова, в частности, с романом «Дар».

Удар, нанесенный структурализмом герменевтике оказался довольно сильным, ни в коем случае не нарушая её специфики и установившихся канонов, он тем не менее дезавуировал её монопольное положение как единственного способа понимания текста, вынудив вступить с майевтикой в отношения диалога. Ныне же, по словам Ж. Женетта, «отношения, соединяющие структурализм и герменевтику, возможно, носит характер не механического разделения и исключения, но взаимодополнительности: об одном и том же произведении герменевтическая критика будет говорить на языке подхвата смысла и внутреннего воссоздания, а структуральная критика – на языке дистанцированного слова и интеллектуальной реконструкции. Тем самым они будут вскрывать в тексте взаимодополнительные значения, и оттого их диалог станет ещё более плодотворным, при том лишь условии, что на этих двух языках никогда нельзя говорить одновременно. Как бы то ни было, литературная критика не имеет никаких оснований не прислушиваться к тем новым значениям, которые структурализм способен извлечь из самых, казалось бы, близких и знакомых нам произведений, «дистанцируя» их слово; ибо один из самых глубоких уроков современной антропологии заключается в том, что тоже близко нам, и именно в силу своей удалённости». ⁶

⁵ Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С.539-540.

⁶ Женетт Ж. Фигуры: В 2х т., М., 1998. Т.1. С.172.